

Воспоминания о старшем товарище

ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ САХАЛИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
АНАТОЛИЙ ТОБОЛЯК

«Здесь жил N.N. Вызвал меня на разговор: мы, еврейские писатели, должны объединиться, мы должны помогать друг другу издаваться...». Дословно не помню, что он ответил на это предложение. Хорошо запомнил только брезгливое выражение лица. Не хотел он объединяться... ни с теми, ни с этими...

Отца вспоминал холодно, он был мамин сын. Много раз у меня дома, сидя в кресле, чуть

другу, который был с тобой до конца, — многое можно простить, в том числе и собственную гибель.

Любитель выпить и занять, Анатолий очень ценил мою преданность самогонварению (для себя и друзей), и что у меня всегда была денежная записка. От души порицая, впрочем, мою расчётливость.

ДЕНЬГИ

Вечно о них думал, искал, писал о них («Денежная история» и т.д.). Думаю, не без мысли о них драматургией занялся.

спустя вспоминали о нем только с благодарностью. А деньги... От небольшого гонорара или пенсии через три дня ничего не оставалось.

Он понимал людей определенных профессий. Уже расплатившись с таксистом или барменом-официантом, он неожиданно доставал пару купюр и вручал их удивленному человеку: «Возьми, тебе надо, я знаю...». Это не был широкий, вальяжный жест: я гуляю! «Ты заряжен на деньги, такая у тебя работа...» — говорил его взгляд, а на лице Анатолия лежала печальная улыбка, прощающая несовершенство божьей твари под именем «человек».

Вот говорят: человек с душой. Тело, внутри душа. Тут наоборот — в такие минуты я видел большущую душу, а внутри он, маленький Тоболяк. Безумный, вполне юродивый, эдакие фокусы он проделывал и без денег. И не только с таксистами-барменами.

НЕ СЛОЖИЛОСЬ

Анатолий был не моим писателем, не для таких, как я, цвел его талант прозаика. Если бы! Если бы я был так близок, например, к раннему Анатолию Киму, которого считают первым стилистом Сахалина, многое сложилось бы по-другому. Очень жаль: читаешь, умом видишь талант, только не трепещет сердце в ответ. Много, чем он восхищался и откуда потом черпал, — это было не мое. «Ты не дотягиваешь!» — смеялся он, было у него такое выраженье.

Зато сердце вполне трепетало от его израильских репортажей.

Это образец, их всегда держу в голове. А он, наверно, считал их пустяшным занятием и писал между делом, левой рукой Мастера.

А стихи! Чеканное («До Эконды, друг, не близко...»), в раме таланта — тяжкий свинец содержания («На рассвете»). Вот это хобби! Отъезд в Израиль, последний перелом судьбы... Эту высшую вибрацию он тоже доверил тому ритму, который выше прозы («Прощальное»).

Таким был для меня Анатолий: Мастером и Человеком. Память о нем продолжает влиять на множество знавших его. Более того — на таких опорах стоит и формируется наш социум, сахалино-российская наша ментальность — как небольшая добавка от культурной лозы облагораживает вино из диких плодов.

Толя, Толенька, Толяша, Анатолий Самуилович (никогда: «Семенович») — по-разному я тебя называл; не будет больше такой души рядом, и дежурная строчка из некролога «неоценимая утрата»... это правда, правда...

Владимир ГРЫШУК.
vedomosti@skr.su

ЗНАКОМСТВО

1989-й, областная библиотека, один из кабинетов Сахалинского отделения Союза писателей. Поэт Людмила Баженова и я, начинающий автор, которому уже недели три обещают, что его повесть даст оценку самый популярный из сахалинских писателей — Анатолий Тоболяк. Правда, сам я его тогда совсем не знал.

— Еще не прочел, — виновато говорит Людмила. — Сейчас он зайдет...

В рубашке, руки в брюки, вошел маленький человек, весело поздоровался, быстро заходил туда-сюда. Подбородок выше, чем надо бы, ходит, в глаза не смотрит, такой веселый и независимый... Весь его облик говорил: а вот не дамся!

— Хотелось бы, — с натугой начал я, — чтобы повесть просмотрел зеленый, так сказать, человек...

— Какой-какой? — еще больше оживился он.

Я сбивчиво начал про экологическую подоплеку: «Повесть, она такая... она не для всех...».

— Я понял! — его уже душил смех. — Прочту! Обязательно!

И выскочил из кабинета.

«Ну, фрукт... наполеончик, — с неприязнью подумал я. — Пошел трепаться по кабинетам».

Уж на что он был контактным, своим человеком, а панибрательства не любил и цену знал себе. Много позже, уже хорошо подружившись, мы встретились на какой-то официальной тусовке. Я обрадовался, с карьера в мажор: ля-ля, Толя, до-ре-ми, фа! Получил в ответ сдержанный прием. Я был не настолько глуп, чтобы позволить неприятному удивлению перерасти в обиду. Кто он, кто я — понимали я, он, все.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

«По матери я славянин,
а по отцу сибирский юде»
А. Тоболяк

Отца его звали Самуил, настоящая фамилия — Прицкер. Имея отчество и фамилию отца-еврея, обычную для России судьбу «не нашего» человека он хлебал смолу до самого отъезда в Израиль. Я неоднократно был свидетелем, что мирный, незлобивый его характер не спасает ни от злых обвинений в еврействе, ни от «шутливо-дружелюбных», от которых не слаще.

Были намеки и с другой стороны. Как-то вдвоем подходили к издательству. Он кивнул на окна соседнего дома:

Анатолий Тоболяк родился в 1936 году в г. Новокузнецке. Рос и учился в Сибири и на Урале. После средней школы сотрудничал в редакции газеты «Орский рабочий», заочно учился на факультете журналистики Уральского государственного университета. Работал на Урале, на Крайнем Севере, в Эвенкии, на Таймыре, в Средней Азии. В 1969 году в Красноярске вышел единственный сборник стихотворений «Дороги». В 1971 году приехал на Сахалин и до 1975 года работал корреспондентом областного телерадиокомитета. В 1975 году дебютировал в журнале «Юность» повестью «История одной любви», которая сразу принесла ему огромную популярность. Повесть была переведена и издана книгой в нескольких зарубежных странах, а также экранизирована в СССР («Только вдвоем», Свердловская киностудия) и в Болгарии («Жар-птица»). Автор многих прозаических книг, пьес, лауреат премии журнала «Юность», лауреат премии Сахалинского фонда культуры, член Союза писателей России. Умер в 2001 году.

пьяненький, восклицал: Анна Миرونна Губина! И — слезы.

Занятно, что и в Израиле, уже на официальном уровне Тоболяк оказался «не своим» (мать-то не еврейка). Он пишет об этом посмеиваясь, но я уверен, его сие мало огорчило, наоборот — напомнило «дым отечества», привычно взбодрило и стимулировало, добавляло тонуса.

Россия — благодатная страна для успеха изгоев. «Вы меня гоните? Так вот вам!» — и гонимый наперекор добивается и славы, и денег. Так что пока «наши» будут чесать за ухом и кого-то обвинять — евреи и прочие «не наши» будут успешны.

«КОМНАТА ЖИЗНИ»

Она была обычной для людей его плана. В чистом углу горела свеча творчества. Остальные три угла занимали деньги, женщины и алкоголь.

«Написать бы хоть одну такую книжку, тогда и умирать не жалко!» — и он с наслаждением читал монолог пирата из «Острова сокровищ»:

«— Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека (лихорадки — В.Г.), а от землетрясений на суше стояла качка, словно в море. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом, и если я сейчас не вышью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь падет на тебя, Джим, и на этого треклятого доктора...»

И он снова разразился ругательствами.

Прятелей и знакомых у Анатолия было много, первый друг — поэт Николай Тарасов, потом мы, всякие...

И все-таки первым, любимым другом был алкоголь. Который его и погубил в конце концов. Что ж... преданному

Пьесы ставили в разных городах, автору шли отчисления. Кто ищет, тот обрящет (одна из его поговорок). Он занял уникальное положение в тогдашнем обществе, где немногим власть заменяла деньги, а остальные жили ровненько, от зарплаты до зарплаты.

Это сейчас богатым тесно, они не экзотика. Анатолий же несколько лет, в короткий период 80-х, был «чудо-юдо» — в стиле «новый русский», при больших деньгах. В его стихотворении «Охотник» изображен не герой, а сам автор:

От кутежей его трещали
Распахнутые города...

А когда количество друзей и откровенных прилипал превышало критическую массу — он брал жену и сбежал от них. На Куршскую косу...

Я не застал его денежный период, к началу 90-х у автора осталось только имя. Важно добавить, что денежки-то он любил, «но странную любовью, не победит ее рассудок мой». Вот-вот! Рассудком непрактичным однобоко любил их только за то, что давали свободу:

...Я денежки познал шальные
Я три рубашки накопил
А так же джинсы запасные...

За это одни его презирали («жизнь прожигает!»), другие любили — за широту души.

С чем бы сравнить... Есть такой калифорнийский красный червь, его специально разводят в почве, чтобы лучше росли сады. Анатолий тоже без усталости, как червь черноземом, пропускал через себя деньги, друзей, женщин... И всем это было только в радость. Уже давно оставленные им женщины годы

